

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АНТИЧНЫЙ ПОЛИС. Л., 1979, 140 с.; *СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА*. Л., 1982, 196 с.; *ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*. Л., 1982, 196 с.; *ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ИДЕОЛОГИИ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА*. Л., 1984, 176 с.

Под грифом Ленинградского государственного университета вышло четыре межвузовских сборника, объединивших исследования по многим важным проблемам социальной и политической истории античности, контактам греков и римлян с окружающими этносами и государствами. Помещенные в них статьи дают представление о направлениях, в которых концентрируются усилия советских антиковедов, о степени разработанности проблем и специфике подхода к ним на данном этапе.

На первый взгляд проблематика сборников представляется пестрой, а круг изучаемых вопросов — очень широким, между тем в отборе сюжетов есть определенная тенденция; чтобы она выявилась более четко, мы сочли целесообразным разделить материал на две основные части, греческую и римскую, а внутри них провести дополнительную разбивку¹.

Греческая тематика явно преобладает, она занимает примерно две трети объема издания, на ее основе решаются многие теоретические вопросы. В центре внимания авторов оказался прежде всего греческий полис. Это объясняется, тем, что, по справедливому замечанию ответственного редактора сборников Э. Д. Фролова, в XX в. проблема полиса стала по существу ведущей для историографии античности (1, с. 4). О неослабевающем интересе к ней свидетельствует все возрастающее количество исследований, посвященных проблеме в целом и ее отдельным аспектам. Однако обилие публикаций имеет и негативные стороны, так как невольно способствует ориентации исследователей в основном на новые точки зрения и гипотезы, приводит к забвению предшествующих работ, особенно если они отделены продолжительной временной дистанцией. Между тем вклад советской исторической науки в разработку феномена полиса в значительной степени определяется тем фундаментом, который был заложен русским антиковедением в XIX — начале XX в. Очерк Э. Д. Фролова «История одного поиска» (3) напоминает, что многие изучаемые сейчас вопросы — в сущности продолжение в новых условиях, на новом витке развития науки традиций М. С. Куторги, Ф. Ф. Соколова, В. В. Латышева, С. А. Жебелева с характерным для них философско-историческим подходом к событиям прошлого, вниманием к социально-экономическим проблемам, тщательным источниковедческим анализом.

Определение специфики полиса имеет решающее значение не только для антиковедения, но и для глобальной исторической проблемы общего и особенного в развитии древних обществ. Новые данные, а главное — интенсивное развитие теории древневосточной и античной истории способствовали преодолению некоторой изоляции в изучении Востока и Запада. Здесь в последнее время наметилась тенденция выявить черты не только различия, но и сходства, которые позволяют лучше понять основные

¹ В рецензии использованы следующие условные обозначения: 1 — «Античный полис»; 2 — «Социальная структура и политическая организация античного общества»; 3 — «Проблемы античной государственности»; 4 — «Проблемы социально-политической организации античного общества».

элементы государств древнего мира. В принципе такой подход закономерен, но провозглашение частью востоковедов тезиса о том, что полис не может считаться специфическим видом организации античного общества, что он существовал и на древнем Востоке, привело к дискуссии, в которой антиковеды настаивали на уникальности полиса².

В статье Ю. В. Андреева «Античный полис и восточные города-государства» (1) исследуются исходные, первоначально однотипные, формы социально-политических организаций Востока и Запада, а затем условия, определившие зарождение греческого полиса и развитие его основных элементов. Автор приходит к выводу, что полис следует считать феноменом, принадлежащим только античному миру, и гипотеза об его универсальности ошибочна³.

Проблема общего и особенного в развитии городов-государств древности ставится и в статьях Ю. Б. Циркина «Карфаген и проблема полиса» (3) и «Держава Баркидов в Испании» (1). Основываясь на литературных свидетельствах, автор обращает внимание на ряд черт социально-экономического устройства Карфагена, сближающих его с античными полисами⁴. Однако указанные отдельные признаки (тем более что многие из них, по признанию автора, устанавливаются предположительно), можно найти и далеко за пределами Средиземноморья. Качественное своеобразие античного полиса, как и принадлежность какого-либо общества к этому типу социально-политической организации, могут быть установлены только при системном подходе, предполагающем выявление структурообразующих характеристик, являющихся условием *sine qua non*.

Тема «Восток—Запад» изучается в сборниках не только на теоретическом, но и на конкретном уровне. В. Г. Борухович в статье «Ахейская колонизация Кипра» (3) рассматривает один из вариантов контактов восточного и греческого мира на Кипре. Следы взаимодействия двух культур прослеживаются на примерах кипрского силлабария и кипро-минойской письменности. Ввиду отсутствия источников о социальном строе, материальной и духовной культуре ахейских общин острова, автор пытается заполнить лакуну данными более поздних материалов, в частности, «Кипрского цикла» Исократ. Однако сведения, даваемые Исократом о жизни населения Кипра, вряд ли можно использовать без предварительного тщательного анализа, так как речи этого цикла имеют ярко выраженную полемическую направленность, подчинены определенной идее — образу идеального правителя — и интерпретируют действительность под определенным углом зрения.

Группа работ посвящена изучению ранних этапов истории полиса.

Ю. В. Андреев в статье «К проблеме гомеровского землепользования» (2) доказывает, что, хотя Гомеру была известна общинная собственность на землю, эту форму следует считать пережиточной, в значительной мере утратившей свое первоначальное содержание. Судя по приведенным данным, «господствующей экономической тенденцией ... был постепенный, но неуклонный рост частной собственности на землю» (с. 27). Проблема землепользования у Гомера исследуется Ю. В. Андреевым не изолированно, а в историческом контексте, с анализом предшествующего периода и проекцией в последующий. Сопоставление микенского и гомеровского землевладения приводит его к выводу о принципиальном различии между ними, [свидетельствующем о радикальных формационных сдвигах, переживаемых греческим обществом XII в. Тем самым на конкретном материале автор подтверждает свой тезис, высказанный в статье «Античный полис и восточные города-государства» (1): в истории Эллады су-

² См., например, Дьяконов И. М. Проблема экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. — ВДИ, 1968, № 4, с. 31; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977, с. 22; Иванова Н. С., Илющенко В. Н., Исаева В. И., Сапрыкин С. Ю. Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». Москва, 1978 г. — ВДИ, 1979, № 3, с. 217—221.

³ О дальнейшем ходе дискуссии см.: Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и путей развития. — История древнего мира. Т. 1. М., 1982; Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. — ВДИ, 1982, № 2; История древнего Востока. Т. 1. М., 1983, с. 20—23.

⁴ Финикийское общество часто сближается с античным, а Карфаген — с Римом. См., например, История древнего Востока. Т. I, с. 22.

ществовал обрыв преемственности, сыгравший решающую роль в развитии греческого общества, определивший его своеобразие (с. 20).

Статьей «Мужские союзы в структуре дорийского полиса» (4) Ю. В. Андреев продолжил работу по изучению трансформации некоторых видов первобытной организации общества в условиях рабовладельческого государства. Постановка вопроса и его решение представляются очень интересными, привлекает скрупулезно проделанный типологический анализ: спартанские и критские мужские союзы сопоставляются со сходными полисными и неполисными учреждениями, что позволяет убедительно показать место данного феномена в истории. По мнению автора, унаследованные от предшествующей эпохи союзы, сохранив форму, изменили содержание и функции, приспособившись к новой структуре. Показательно, что именно они стали для политической теории Эллады символом одной из самых характерных черт полиса — единства граждан.

Историографический этюд Ю. В. Андреева «К проблеме „Ликургова законодательства“ (О так называемом перевороте VI в. в Спарте)» (3) посвящен переломному моменту в жизни лакедемонского государства, когда была заложена жесткая система, на долгое время определившая особое место Спарты в греческом мире. [Автор полагает, что «...известное нам „Ликургово законодательство“ было продуктом нескольких или даже многих реформаторов и что эта их деятельность растянулась на несколько десятилетий, может быть, даже на целое столетие» (с. 58).

В. М. Строгеецкий в статье «Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте» (1) рассмотрел политические события в Лакедемонии второй половины VI в. до н. э. Он собрал данные о процессах, протекавших в полисе, и о внешнеполитическом положении Спарты, показав, что взаимоотношения Лакедемона с другими греческими государствами, особенно с Афинами, существенно влияли на ход внутренних конфликтов. Отдавая должное тщательности в подборе и анализе материала, интересным наблюдением, мы все же не согласны с основными положениями работы.

Автор исходит из убеждения, что «Спарта в результате предшествующих социально-экономических реформ окончательно сложилась как полис и имела более совершенную военную и политическую организацию общества, чем другие эллинские города в тот же период» (с. 45). Однако тезис автора о приоритете Спарты в процессе формирования полисной организации (см. с. 45), насколько нам известно, не имеет аналогий в предшествующей литературе, а в статье не подкрепляется фактами. Тем не менее именно такая позиция определила интерпретацию автором столкновения эфората и царской власти, которая была таким же неотъемлемым элементом лакедемонского полиса, как и эфорат. Непонятно, почему конфликт между двумя политическими институтами представлен как конфликт между личностью и государством. К тому же вывод, к которому приходит автор в итоге своего исследования, уже сформулирован в начале статьи как [посылка (с. 45, 47).

Есть все данные для предположения, что греческие государства формировались в острой социально-политической борьбе. К сожалению, здесь исследователи располагают очень фрагментарной картиной, на основании которой не всегда возможно отделить общие, типичные черты конфликта от специфических, присущих только конкретным ситуациям. Поэтому ценны любые сведения, служащие дополнением к известным фактам. В. Г. Бороухович собрал данные о столкновениях различных группировок на Лесбосе и посвятил им статью «Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н. э.)» (1). Автору удалось восстановить многие детали в раздорах аристократических родов, найти убедительные аналогии описанным событиям, в частности начальному периоду междоусобиц.

Античная традиция, подчеркивающая прочность законов западной фокейской колонии, подвергнута критическому переосмыслению в статье Ю. Б. Циркина «Эволюция политического строя Массалии» (2). В истории полиса обнаруживаются, по крайней мере, два изменения, вызванные политической борьбой. Признавая убедительность общих выводов автора, необходимо отметить ряд спорных пунктов его рассуждений. Так, трудно себе представить, чтобы «младшие члены правящих семейств» объединились со вновь прибывшими поселенцами с целью изменения государственного строя (первый переворот). В любом случае непонятно, почему в качестве *terminus ante quem* здесь принимается установление карфагенянами блокады Геракловых

Столпов. Далее, если массалийская олигархия приблизилась к политике, то можно считать установившийся строй «строгим аристократическим» (с. 40)⁵. Таким образом, весьма проблематичным оказывается единственное отмеченное автором сходство между сообщениями Аристотеля и Страбона.

Я. В. Доманский в статье «Некоторые особенности колониационного движения греков (Эллада — Северный Понт)» (3) обращает внимание на экономические и демографические факторы в жизни раннего греческого общества, послужившие причиной колонизации. Намечены и охарактеризованы три этапа освоения греками Северного Причерноморья, которые связываются с эволюцией полиса. Показаны особенности его развития не в окружении однотипных государственных структур, как это было в Греции, а в инородной для него среде. В работах советских археологов, историков, филологов последнего времени доказано, что на устройство греческих поселений Северного Причерноморья существенно влиял характер экономических, политических, социально-психологических контактов эллинов с местным населением⁶. Такой подход по-новому освещает проблему взаимоотношений греков с негреками, которая решается обычно на базе других регионов и материалов.

Классический полис исследуется в сборниках в ракурсах внутренней и внешней политики.

В. М. Строгоцкий в статье «Политическая борьба в Спарте в 70-е гг. V в. до н. э.» (3) продолжил изучение ситуации в Лакедемонии на примере процесса Павсания, царя, прославившегося в борьбе с персами, но навлекшего на себя впоследствии недовольство общегреческого союза и вызвавшего оппозицию в Спарте. В деле Павсания В. М. Строгоцкий видит столкновение личности и государства, полагая, что в Спарте (в отличие от Афин) политическая борьба могла проявляться лишь в таком виде. Он убежден, что неправы те исследователи, которые трактуют процесс Павсания как конфликт политических групп.

Однако, на наш взгляд, нет никаких оснований противопоставлять точку зрения автора статьи мнению его оппонентов. Политическая борьба может выступать как столкновение личности, за которой стоят определенные силы, с каким-либо институтом, олицетворяющим в данной ситуации другие силы; как соперничество двух личностей, представляющих разные политические течения; как конфликт государственных институтов; как борьба политических группировок. В любом случае мы имеем дело с коллизией группировок. Если внимание В. М. Строгоцкого поглощено формой реализации конфликта, то в работах его оппонентов ведутся поиски сил, которые стояли за каждой из конфликтующих сторон⁷.

Статья Л. Г. Печатновой «Социально-экономическая ситуация в Спарте на рубеже V—IV вв. до н. э. (Закон Эпитадея)» (4) посвящена вопросу, который почти не освещался в советской историографии⁸, хотя он имеет первостепенное значение при изучении кризисных явлений в греческом обществе IV в. до н. э. Речь идет об изменениях в экономической и политической сфере, особенно отчетливо проявившихся после Пелопоннесской войны. Закон Эпитадея, оформивший право спартиатов на отчуждение земли, был не только одним из наиболее ярких проявлений этих изменений, но и «...после законов Ликурга важнейшим этапом в спартанском гражданском праве» (с. 44). Л. Г. Печатнова убедительно трактует его как пример стадийного отставания Спарты, находя аналогии в законодательстве полисов архаического периода. Мы согласны и с тем, что данная реформа, хотя и соответствовала реформам Солона в Афинах, содействовала не укреплению прежних полисных устоев, а их подрыву. Материалы, собранные в статье, и их интерпретация затрагивают также, по нашему

⁵ Ср. указанные самим автором различия между политией, аристократией и олигархией (с. 36—37).

⁶ См., например, Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979; Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.

⁷ Паршиков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте. — ВДИ, 1968, № 1; Larsen I. A. O. The Constitution and Original Purpose of the Delian League. — Harvard Studies in Classical Philology.

⁸ Исключение составляют работы: Голубцова Н. И. К вопросу о внутреннем положении Спарты в начале IV в. до н. э. — Труды Московского гос. Историко-архивного института, 1958, т. 12; Печатнова Л. Г. Заговор Кинадона, — ВДИ, 1984, № 2.

мнению, одну из источниковедческих проблем: использование юридических установлений в качестве исторического источника. Видно, что один и тот же правовой акт мог фиксировать процессы, способствующие как укреплению, так и разложению отдельных институтов, знаменующие как начальные, так и зрелые этапы развития государства.

О последствиях социально-экономической борьбы в Сиракузах рассказывает И. Р. Блохина в работе «Возрождение республики в Сиракузах в середине IV в. до н. э. (Реформы Тимолеонта)» (3). Хотя внимание автора сосредоточено на конкретных фактах — мерах, предпринятых для восстановления республики после довольно длительного господства тирании, поднятые вопросы имеют теоретическое значение. Прежде всего — оценка строя, установленного Тимолеонтом, как демократического или олигархического. Расхождение мнений исследователей в данном вопросе показывает нечеткость и расплывчатость критериев для определения этих понятий, проистекающие скорее всего из-за того, что античные источники не дают возможности провести четкую грань между вариантами умеренной демократии и умеренной олигархии. Автор статьи оценивает правление Сиракуз при Тимолеонте как ограниченную демократию. В данном случае такая оценка представляется обоснованной и справедливой. Подробное описание реформы дает возможность увидеть, какие государственные установления представлялись большинству граждан полисов IV в. необходимыми, обладали для них притягательной силой. Своей законодательной деятельностью реформатор достиг поставленной цели: значительная часть жителей, эмигрировавших из Сиракуз, вернулась на родину, веря в получение социально-экономических благ, которых ожидала после проведения проектов в жизнь. Важно заключение И. Р. Блохиной: пример Сиракуз свидетельствует о том, что полис как форма организации общества в период кризисных явлений обладал достаточно мощным и устойчивым потенциалом, большой жизнеспособностью. С нашей точки зрения, недолговременность восстановленной сицилийской республики определялась не столько тенденциями ее развития, сколько общей политической ситуацией греческого мира и местоположением Сицилии.

В исследовании В. М. Строецкого «Панэллинская лига 481 г. до н. э. (Возникновение и структура)» (2) показана ее решающая роль в отражении угрозы персидского завоевания. Панэллинская лига, по мнению автора, интересна еще и тем, что знаменовала важный этап в развитии межполисных союзов. Тщательный анализ источников, кропотливая работа по реконструкции союза, принципов его построения и развития создают полную и подробную картину причин возникновения, деятельности и эволюции данной симмахии.

Другая работа того же автора «К оценке афино-спартанского соперничества в 70-е гг. V в. до н. э.» (4) содержит подробный разбор источников, в который включены сведения о взаимоотношениях Спарты и Афин. Убедительно показано, что наиболее уязвима и наименее надежна информация, данная Диодором.

Л. Г. Печатнова в статье «Спарта и Персия в конце V в. до н. э.» (3) обращает внимание на контакты Спарты и Персии на заключительном этапе Пелопоннесской войны. В нашей историографии редко встречаются подобные исследования, затрагивающие как юридический, так и исторический аспект межгосударственных связей. Автор исходит из того, что спартано-персидские отношения представляют двойной интерес «...как факт, касающийся международных отношений, и как форма документа, в который эти отношения облекаются», тем более что три рассмотренных договора заключались между государствами с разнотипной структурой, так как «Спарта представляла собой значительную часть греческого мира, а Персия — мир Востока» (с. 108).

Историографический характер имеют работы А. И. Юделевича «К вопросу о социально-политических взглядах Фукидида» (2) и А. И. Попова «Тирания Агафокла Сиракузского в историографии XIX—XX вв.» (4).

Авторы сборников не обошли вниманием и полис периода эллинизма.

Утрата полисами политической самостоятельности привела к тому, что они стали лишь частью крупных государственных объединений, что не могло не отразиться на их развитии. «Вживаемость» греков в новые системы была долгим и трудным процессом. Адаптация зависела от многих условий, в том числе и от умения эллини-

стических правителей оформить свою власть, а также использовать традиционные полисные идеалы и институты.

Г. С. Самохина в статье «Развитие представлений о *χώρα διοικήσεως* в эпоху эллинизма» (1) прослеживает развитие некоторых правовых представлений. Она полагает, что «право завоевателя» послужило «фундаментом для царского титула диадохов» (с. 94). Внимание автора привлекает прежде всего понятие «земли, завоеванной копьем», истоки которого, по его мнению, находятся в греческой литературе V—IV вв. до н. э. Это ориентация софистов на сильную личность и обоснование публицистикой единоличной власти.

Такой подход представляется ошибочным. Политическая теория Греции оказала влияние на идеологию эллинизма, но ее связь с конкретным исследуемым тезисом не прослеживается. Не совсем ясно, зачем искать корни правовых представлений прежде всего в политических воззрениях, оставляя в стороне право и (учитывая военный характер власти диадохов) военную практику эллинов. Заметим, что копье всегда считалось на Востоке, в Греции, Риме символом силы и могущества. Убежденность в праве победителя на завоеванную территорию была широко распространена как в Греции, так и во всем древнем мире, считалась само собой разумеющейся⁹. Прямую связь с изучаемой проблемой обнаруживает только пассаж из «Кипропедии» о праве на законность господства над завоеванной территорией (Хеп., Сугор. VII 5, 73). Г. С. Самохина расценивает это положение как идею века, «...оказавшую огромное влияние на умы и души рядовых греков и македонян» (с. 99). Но в данном случае мы сталкиваемся не с принципом политического учения, а с отражением в нем повсеместно распространенной правовой нормы, т. е. с явлением вторичным. Недаром в приведенном отрывке Ксенофонт ссылается на «общий для всех людей закон» (*νόμος ὅς ἐν πάσιν ἀνθρώποις αἰεὶ ὁσίων ἐστίν*) об отношении победителей к вражескому городу. Идея, отраженная у Ксенофонта, хотя формально и зафиксирована в произведении IV в., господствовала в правосознании греков на протяжении предшествующих столетий.

В другой статье («Панэллинская идея в политике Македонии III в. до н. э.») (2) Г. С. Самохина прослеживает эксплуатацию Македонией в собственных интересах идеи греческого единства, панэллинизма. Показано гибкое использование не только постулата, но и привычных, устоявшихся формул в договорах. Частичная рецепция греческого права, начавшаяся сразу же после покорения Эллады, охватывая все более широкие области, принесла свои плоды. Автором убедительно показано, как в качестве катализаторов для изменения содержания правовых норм и идеологических представлений использовались конкретные ситуации и политическая пропаганда.

В работе И. С. Свенцицкой «Святынища в социально-политической структуре эллинистического полиса (На примере Западной Малой Азии)» (1) рассматриваются три основных вопроса: отношение полисов к храмам, оказавшимся на их территории или связанных с ней, религиозная политика по отношению к негражданам и влияние на внутреннюю жизнь полиса частных культов. И. С. Свенцицкая приходит к выводу, что, как правило, полис использовал святынища в своих интересах, контролировал деятельность храмов. Существовала практика привлечения к празднествам негражданского населения; можно определенно говорить о тенденции преобразовывать частные культы и общественные.

В эллинистическом полисе, по мнению автора, были глубокие противоречия: с одной стороны, желание сохранить привилегии граждан, с другой — необходимость включать в коллектив неграждан; стремление усилить общность жителей полиса — и «необходимость считаться с появлением частных организаций, с зарождением идеи общечеловеческого, а не только гражданского единства» (с. 71). Разрешение прибегать к религиозным ценностям всем желающим, нам кажется, еще не доказывает, что в общественную психологию проникает идея общечеловеческого единства. «Открытость» религии в данном случае скорее объясняется влиянием восточных культов с их достаточно широкими границами веротерпимости, привлекающими самые разные слои населения.]

⁹ Э. Бикерман справедливо указывает на право победы как на один из универсальных принципов греческого права (Государство Селевкидов. М., 1985, с. 16, ср. с. 124).

В статье того же автора «Полис и община: к вопросу о формировании общинного самоуправления в эллинистический период» (4) разворачивается полемика с точкой зрения П. Бриана, по мнению которого включение сельских общин в территорию эллинистических полисов не отразилось на структуре поселений. Надписи, найденные на месте деревень, показывают, «как влияла на оформление самоуправления сельских общин, на фразеологию их представлений полисная организация» (с. 73).

Три работы в сборниках посвящены Причерноморью.

С. Ю. Сапрыкин в обобщающей статье «Тирания в припонтийских государствах» (4) рассмотрел наиболее характерные особенности этого режима и динамику его развития в данном регионе. С точки зрения автора, тирания классического времени в Геракле, Синопе, Боспорском царстве однотипна, имеет общие причины: внутривнутриполитические противоречия, «...связанные с борьбой торгово-ремесленной верхушки демоса и широких слоев граждан со знатью» (с. 108). Тирания более поздних периодов, эллинистического и раннеримского, в Синопе, Херсонесе и Амисе примечательна переплетением социальной борьбы в полисах с политикой эллинистических государств или варварских династий, которые использовали ее в своих целях.

Л. А. Пальцева в статье «К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху» (4), анализируя сложную и насыщенную жизнь города, отмечает наличие в нем двух противоборствующих группировок, демократической и аристократической. Последней во второй половине III в. до н. э. удалось укрепиться в сфере государственного управления. Автор полагает, что ее дальнейшее усиление в I—II вв. н. э. было частным проявлением общего политического направления, свойственного греческим полисам того времени.

В другой работе Л. А. Пальцевой под названием «Херсонес и понтийские цари» (1) дан очерк внешнеполитического положения города во II—I вв. до н. э., когда ему отводилась важная роль в планах понтийских царей.

Тематика сравнительно немногочисленных статей по римской истории сосредоточена на нескольких весьма перспективных направлениях исследований. Их отличают новизна постановки вопросов и охват разнообразных источников.

Сказанное в полной мере относится к статье И. С. Свенцицкой «Марк Антоний и малоазийские полисы» (2), затрагивающей важную тему идеологической подготовки принципата. Автор указывает, что в отношении греческих полисов Малой Азии Марк Антоний действовал не только как представитель Римского государства, но и как «квазиэллинистический монарх» (с. 124). Следуя «модели эллинистического правителя», он не понимал ее сути, а потому в ряде случаев поступал вопреки сложившимся нормам. Октавиан, не в пример ему, действовал более тонко, стараясь не вступать в конфликт с полисными обычаями того времени. На наш взгляд, однако, дело заключается не столько в «непонимании» Антоном «подлинных отношений в эллинистических государствах»¹⁰ (он знал их, в отличие от Октавиана, не понаслышке уже в силу многолетнего пребывания на Востоке), сколько в ориентации триумвиров на противоположные «модели» единоличной власти. Если политика Октавиана была реставрационной, апеллирующей к античным порядкам, то на Антония сильное влияние оказали египетские и персидские традиции. «Ориентализм» последнего, оттолкнувший жителей Италии и большинства провинций, был умело использован пропагандой его соперника.

В. Н. Парфенов в статье «Триумvir Эмиллий Лепид» (4) пытается выяснить место коллеги Октавиана и Антония в перипетиях последних лет республики. Отмечаются его заслуги перед Юлием Цезарем, активные действия после мартовских ид, важная роль в подготовке второго триумвиата. «Звездный час» Лепида наступил в 43 г. до н. э. Вскоре его политическое влияние начало убывать одновременно с усилением воздействия армии на все стороны жизни государства. В этих условиях старого политического багажа оказалось недостаточно, а новых заслуг перед военными Лепид приобрести не сумел. Отправить его сразу в «политическое небытие» Октавиану мешала не только знатность рода и звание великого понтифика, но и «всесилие армии», которая, как верно отмечено автором, была «инициатором и гарантом второго триумвиата». Предложенная трактовка убедительно отвечает на вопрос, почему Лепид

¹⁰ Ср. с. 133—134.

находился в составе правящей коллегии семь лет, несмотря на то, что фактически его политическая роль очень скоро свелась к нулю. Все же, думается, автору не удалось опровергнуть утвердившееся еще в античности представление о Лепиде, как о человеке, «незаслуженно долго пользующемся милостью Фортуны» (Vell., II, 80, 1; ср. Tac., Ann. I, 9).

Обращение к личности как к конкретному носителю закономерностей истории и ее творцу является очевидной заслугой авторов и редколлегии рецензируемых сборников. В этом несомненно сказались и научные интересы ответственного редактора Э. Д. Фролова, давно и успешно работающего в этом перспективном и к тому же привлекающем широкую читательскую аудиторию направлении. Однако исследования такого рода требуют глубокого анализа диалектики взаимоотношений личности и общества. При недостаточном внимании к этой проблеме (с чем нам уже приходилось встречаться в греческой части обзора) возможно неоправданное смещение акцентов.

Отдельные просчеты содержатся в интересной, содержательной статье А. Б. Егорова «Политические взгляды Саллюстия» (1). Поставленная автором задача: рассмотреть теоретические воззрения историка в сопоставлении с его практической деятельностью — вполне правомерна. Можно лишь сожалеть о том, что в отношении большинства античных писателей подобный комплексный анализ остается недостижимым идеалом из-за отсутствия надежных источников. Не является исключением и Саллюстий. Камнем преткновения для современных исследователей, оценивающих его и как «непартийного» историка-позитивиста, и как политического писателя и популяра, оказывается вопрос об аутентичности «Писем к Цезарю»¹¹. Не сумел благополучно преодолеть это препятствие и автор рецензируемой статьи. Ограничившись вначале весьма осторожным, хотя также не бесспорным утверждением, что «...автор писем и Саллюстий... являются политическими единомышленниками» (с. 105), автор постепенно проникается все большим доверием к этому сочинению, в конце без всяких оговорок использует его в качестве основного источника для характеристики политических взглядов Саллюстия (с. 123 сл.).

Неубедительной представляется и трактовка социальных позиций писателя. Постоянное стремление Саллюстия находить в политике «противоборство двух групп, личностей или тенденций» автор статьи в конечном счете пытается объяснить некоей «глубинной психологической установкой» (с. 110). Резюмируя, что историк не находил политического идеала ни в одной социально-политической группе, автор предлагает искать его «...в другой категории, то есть в личности» ((категории несопоставимые. — В. И., Я. М.). Не более приемлема и другая альтернатива, предложенная А. Б. Егоровым: Саллюстий не был «ни демократом, ни даже популяром», его деятельность «...не показывает и того, что он был связан с консервативно-республиканскими традициями», а оказался карьеристом. Автору остается заключить, что «...подобный тип политика был достаточно характерен для эпохи конца республики и раннего (а, впрочем, и позднего) принципата» (с. 109). Можно добавить: и для всех остальных известных истории периодов.

Актуальная политико-правовая тематика, уже прослеженная нами в работах по истории Греции, находит продолжение в трех публикациях на материале раннего принципата. А. Б. Егоров в основательной статье «Развитие политической системы принципата при Тиберии» (2) выясняет степень достоверности образа императора в античной традиции и современной историографии. Автор опирается на сообщения Тацита (согласующиеся в основном с данными Светония и Диона Кассия), однако фактически игнорирует произведение Веллея Патеркула, характеризующее как «образчик официальной литературы», сочинение, не дающее «никакой информации по самому принципату Тиберия»¹². При таком одностороннем подходе к традиции едва ли возможна объективная оценка деятельности преемника Августа, к чему стремится автор статьи. Неудачной (а, может быть, заранее обреченной на неудачу) следует признать

¹¹ В своих работах С. Л. Утченко довольно противоречиво высказался об авторстве писем (Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969, с. 243—244; Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 165). К сожалению, А. Б. Егоров не учел последний последний книги и некоторых специальных статей известного исследователя.

¹² Такой подход А. Б. Егорова уже подвергся критике: *Немировский А. И.* Веллей Патеркул и его исторический труд. — ВДИ, 1983, № 4, с. 218.

и попытку разделить правовые и неправовые элементы власти первых императоров. В самом деле, можно ли считать правовой характеристикой власти Августа то, что он был «наиболее авторитетным членом сената» (с. 145)? По крайней мере, требует обоснования отнесение к неправовой сфере присяги сената и народа принцепсу (с. 153). И, наконец, совершенно непонятно, почему *lex maiestatis* определяется как «основа неправовой стороны власти» (с. 162). Интересна, но и дискуссионна мысль А. Б. Егорова о том, что, дав широкие права сенату, Тиберий в то же время сделал так, «чтобы этот орган не смог ими пользоваться» (с. 162). Следовало, видимо, отметить, что отводившаяся сенату роль инструмента политики, хоть и важного, не соответствовала традиционным представлениям значительной части этого органа о *libertas*. Это противоречие разрешалось и за счет изменения состава сената и путем создания нового аппарата управления¹³.

Важный инструмент укрепления монархической власти, *lex maiestatis*, исследуется И. П. Портягиной в статье «Процессы об оскорблении величия в эпоху раннего принципата» (3). Четко формулируя важнейшие аспекты темы, автор показывает преемственность в применении данного закона от республики к империи, анализирует многочисленные случаи его использования, пытается дифференцировать процессы по их политическому характеру и соответствующим наказаниям. В последнем пункте рассуждения автора не всегда безупречны. Так, справедливо отметив «личный характер» обвинений по *lex maiestatis* и сделав правильный вывод о том, что «... в Риме в I в. н. э. уже не было аудитории, которая могла бы услышать... призыв к изменению существующего порядка», И. П. Портягина тем не менее усматривает опасность положения Кремуций Корда в том, что «похвальный отзыв в адрес убийц Юлия Цезаря» мог быть расценен именно как подобный призыв, как отрицание «идеологической базы» принципата (с. 146—147, 149). Похвалы героям республики были общим местом в литературе, на что и сослался в своей защитительной речи Корд (Тас., *Ann.* IV, 34). Написанная много лет назад фраза о Бруте и Кассии была использована как формальный повод для обвинения по «закону о величии», в то время как действительная причина преследования историка заключалась во вражде Сеяна¹⁴.

Содержание важнейшего эпиграфического памятника анализируется в небольшой статье А. Б. Егорова «Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса» (3). В отличие от более ранней работы, где появление общего *lex de imperio* датировалось 17 октября 14 г. (2, с. 145), здесь А. Б. Егоров, следуя Л. Омо, принимает более позднюю дату — 37 г. Анализируя место сенатусконсульта в процессе усиления монархических тенденций в принципате, автор усматривает в правовом дуализме этого политического режима результат отдаленности императора от общины. Нуждается в разъяснении положение о трансформации *civitas* в «аппарат централизованного государства» (с. 158).

Серия исследований посвящена западным римским провинциям. Важные аспекты римской экспансии времени республики разъясняет С. К. Сизов в статье «Объединения городов в римской Сицилии» (3). Сравнительный анализ свидетельств Цицерона и Диодора Сицилийского в сопоставлении с другими данными позволил автору критически переосмыслить результаты отдельных наблюдений Т. Моммзена, Э. Пауса и других исследователей и дать достаточно ясное представление об организации и функциях амфикистии Венеры Эридинской и федерации сицилийских общин. Рассмотрение истории взаимоотношений римлян с сицилийским святилищем (а также роли культа указанного божества в самом Риме) показывает, что организация амфикистии была первой попыткой римлян закрепить свое господство в заморской территории идеологическими средствами. Однако она не может считаться прообразом позднейших провинциальных собраний. Предшественницей такового на острове было *commune Siciliae*, основанное, по мнению С. К. Сизова, также при участии римлян.

В работе «Сельские объединения в римской Испании» (4) С. К. Сизов пришел к заключению, что паги, вики и кастеллы были образованиями общинного типа, располагавшимися на городских и племенных землях, но обладавшими самоуправлением.

¹³ См. Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981, с. 33 сл., 38 сл.

¹⁴ *Sen., Ad Marc.* XXII, 4; *Dio Cass.*, LVII, 24, 2—4. Ср. верное суждение по этому поводу в статье А. Б. Егорова (2, с. 160).

Различие между ними коренилось в происхождении: если паги, локализуемые главным образом на юго-востоке полуострова, были основаны итальянскими колонистами, то вики и кастеллы, данные о которых относятся к центральным и северо-западным областям, образовались в результате трансформации местных родовых объединений. Проявились здесь также и расхождения в путях и степени романизации областей Иберийского полуострова. Рецензируемая работа содержит немало важных наблюдений; она является логическим продолжением исследований, установивших важную роль сельской общины в других районах античного Средиземноморья. Однако из-за скудости источников некоторые выводы, например о наличии у пага общей земли или института народных собраний (с. 158), могут быть пока приняты лишь в качестве гипотез.

Взаимоотношение античного мира с варварским — один из важнейших аспектов изучения римских провинций. И здесь исследователю приходится особенно тщательно анализировать сообщения древних авторов, которые чаще всего оказываются важнейшими источниками сведений об окружающих племенах. Поэтому заслуживает внимания попытка Н. С. Широковой в статье «Идеализация варваров в античной литературной традиции» (1) оценить достоверность сообщений греческих и римских писателей о галлах; значительное место она отводит общим источниковедческим вопросам. Автор справедливо указывает, что традиция формировалась под воздействием философских и политических идей позднеклассического периода и эллинизма. В то же время недооценивается влияние римской культурной среды на Цезаря, Сенеку, Тацита. Так, в процитированном письме Сенеки содержится прямая полемика с Посидонием (Ер. ХС, 7 sqq.), что уже само по себе опровергает его характеристику как компилятора. В сочинениях римского философа-моралиста раскрывается диалектика отношения античной общественной мысли к «варварству», которое обладало рядом утраченных «цивилизованными» людьми качеств; но, лишенное культуры, оно не могло служить абсолютным идеалом. Отметим также, что материал, представленный в рецензируемой статье, свидетельствует о некоторой искусственности принятого в ней деления античной традиции на «жесткий» и «мягкий» примитивизм.

Тому же автору принадлежит публикация «Институт клиентелы у древних кельтов» (3). В отличие от аналогичного римского института, по мнению Н. С. Широковой, представлявшего «отношения случайные и преследующие чистый интерес», кельтской клиентеле была свойственна «клятва верности, предполагавшая преданность клиента патрону вплоть до смерти, а, может быть, и в загробной жизни» (с. 149—150). Не ясно, имеет ли автор в виду синхронную или типологически близкую, раннеримскую клиентелу: в последнем случае противопоставление было бы тем более неоправданным. Не следует вообще недооценивать универсальности этого явления, роль которого в последние годы привлекает все большее внимание исследователей многих традиционных обществ. Н. С. Широкова высказывает важное предположение, что во времена Цезаря «...институт клиентелы... являлся основой всей социально-политической структуры кельтского общества», будучи фундаментом «безмерного могущества и политического авторитета кельтской знати» (с. 151—152). Все же собственно клиентские отношения эпохи разложения первобытнородового строя нельзя считать «явлением раннего феодализма», поскольку последний не существовал еще как система общественных отношений, включающая специфическую форму собственности на землю и ряд других признаков.

В статье Н. С. Широковой «Императорский культ и собрания галльских провинций» (2) отмечается, что императорский культ введен в Нарбоннской и Лугдунской Галлиях еще Августом. Центром его было Лугдунское святилище, куда ежегодно съезжались представители общин. Автор справедливо критикует модернизаторские попытки усмотреть в собрании Трех Галлий чуть ли не предтечу французского парламентаризма, но впадает в другую крайность, категорически отрицая какое бы то ни было политическое значение данного института. Этому противоречит его убедительная характеристика, данная в статье. Основной задачей собрания было «отправление «политического» (с. 164) императорского культа, но оно «естественно интересовалось общими, государственными проблемами, касавшимися управления всей провинцией, пыталось повлиять на их решение», высказывало суждения о деятельности императорских легатов (с. 182). Таким образом, выполняя интегративную функцию и способ-

ствуя романизации Галлии, Лугдунское собрание было частью государственной системы империи и, по крайней мере, в таком качестве политическим институтом.

Опубликованные в сборниках статьи свидетельствуют о том, что в вузах идет активная исследовательская работа по изучению античной истории. Авторы внесли весомый вклад в освещение многих вопросов теоретического и практического характера, стоящих в центре внимания современного антиковедения. Это относится прежде всего к анализу типологии полиса, его места в системе государственных структур древнего мира. Представляется важным, что значительная часть работ оказалась сосредоточенной вокруг раннего периода, определившего своеобразие античной Греции и специфику отдельных полисов. В представленных статьях освещаются самые разные аспекты раннего полиса — экономические, внутривнутриполитические, внешнеполитические, что позволяет показать данный феномен во всей его сложности¹⁵. Более односторонен подход к полису классическому, он представлен на спартанском и сиракузском материалах, а также в сфере внешних связей. Такой уклон объясняется, очевидно, тем, что статьи, посвященные Афинам и политической мысли Эллады, сосредоточены в другом издании университета¹⁶. Полис эллинистического времени исследуется в широком географическом ареале и временном диапазоне, что позволяет сравнить его общие и специфические черты, установить факторы, влияющие на них.

Нам хотелось бы также отметить, что рассмотренные работы отчасти заполнили те лакуны, которые образовались в советском антиковедении; так, например, значительная часть статей посвящена Спарте. Можно определенно говорить и о том, что объектом исследования все чаще становится право. Сборники дают удачные примеры анализа исторического и юридического аспектов правовых актов, изучения таких сложных явлений, как рецепции права и религии.

Римская тематика оказалась сосредоточенной вокруг двух важнейших проблем: идеологическая подготовка и становление принципата, социально-политическое развитие западных римских провинций. Они изучались в нескольких аспектах: политико-правовом, личностном, социолого-историографическом. Указанная тематика и поиски методов должны, безусловно, получить продолжение и дальнейшее развитие при дальнейшей разработке важных теоретических вопросов. Несогласие рецензентов с отдельными тезисами и выводами ни в коей мере не влияет на общую высокую оценку профессионального уровня авторов. Расхождение во взглядах вызвано зачастую сложностью источников, а также неразработанностью затронутых проблем, разным подходом к ним.

Четыре сборника, рассмотренных в рецензии, свидетельствуют о наличии издания, хотя формально и непериодического, но достаточно регулярно публикующего интересные и важные исследования по актуальным проблемам антиковедения. Несомненна заслуга Ленинградского государственного университета и редколлегии сборников в организации подобного издания и привлечении квалифицированных авторов.

В. И. Исаева, Я. Ю. Межерицкий

¹⁵ Тематически и хронологически связаны с данными работами статьи, опубликованные в другом сборнике: *Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса; *Фролов Э. Д.* Рационализм и политика в архаической Греции. — В кн.: *Город и государство в древних обществах*. Л., 1982.

¹⁶ *Фролов Э. Д.* Политические лидеры афинской демократии; *Зайцев А. И.* Перикл и его преемники (К вопросу о приемах политического руководства в древности); *Гуторов В. А.* Политическая теория и практика эпохи кризиса греческого полиса (О платоновском государственном деятеле). — В кн.: *Политические деятели античности, средневековья и нового времени*. Л., 1983.